

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.3>

Бузин Владимир Серафимович

"ГОРНЫЕ", "ПОЛКОВНИК(ЦА)", "ТЫСЯЦКИЙ", "ПРОСТОНАРОДЬЕ" КАК ЧИНЫ ЮЖНОРУССКОЙ СВАДЬБЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ И ФУНКЦИИ

Анализируются названия и характеристики ряда чинов южнорусской свадебной обрядности. Название "горные", которое имеет разную трактовку у исследователей, автором связывается с семантическим верхом и означает высокий статус этих чинов. "Полковник(ца)" и "тысяцкий" - чины, наличие которых отражает представление о свадьбе как военизированном действе, связанном с похищением невесты. "Простонародье" - чин, оппозиционный так называемым свадебным, состав которых во многом определялся терминами феодальной верхушки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/3/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(89) С. 20-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94; 392.51

Дата поступления рукописи: 26.02.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.3>

Анализируются названия и характеристики ряда чинов южнорусской свадебной обрядности. Название «горные», которое имеет разную трактовку у исследователей, автором связывается с семантическим верхом и означает высокий статус этих чинов. «Полковник(ца)» и «тысяцкий» – чины, наличие которых отражает представление о свадьбе как военизированном действе, связанном с похищением невесты. «Простонародье» – чин, оппозиционный так называемым свадебным, состав которых во многом определялся терминами феодальной верхушки.

Ключевые слова и фразы: чины русской свадьбы; этимология; «горные»; семантический верх; «полковник(ца)»; «тысяцкий»; «простонародье».

Бужин Владимир Серафимович, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
vsbuzin@front.ru

«ГОРНЫЕ», «ПОЛКОВНИК(ЦА)», «ТЫСЯЦКИЙ», «ПРОСТОНАРОДЬЕ» КАК ЧИНЫ ЮЖНОРУССКОЙ СВАДЬБЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ И ФУНКЦИИ

В 1927 году в печати появилась работа известного исследователя русской народной культуры П. С. Богословского «К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов», в которой был представлен собранный им компендиум из 415 названий народной свадьбы, преимущественно русской, а также свадьбы украинцев и белорусов (под названием «южно- и западноруссы») и, видимо, молдаван [2]. Со времени ее публикации прошло уже около века. По русской традиционной свадебной обрядности (как, естественно, и других перечисленных этносов) был накоплен значительный пласт нового материала, в том числе и в отношении ее чинов. Наверное, уже созрела необходимость создания обновленного их перечня с включением терминов, получивших известность в результате исследований последующего времени и с уточнением характеристик тех, что содержатся в тексте П. С. Богословского. Как справочное издание он, несомненно, будет хорошим подспорьем в дальнейшем изучении русской народной свадьбы.

Данная работа написана на основе материалов, собранных автором по русской традиционной свадебной обрядности Липецкой, Тамбовской и Пензенской областей [3], в сопоставлении с материалами других территорий и посвящена либо категориям свадебных чинов, отсутствующим в перечне П. С. Богословского, либо дополнению характеристик тех, что фигурируют в его публикации. В исследуемом регионе при бытовании широко распространенных общерусских чинов, например, «свахи» или «дружки», существовала и локальность названий, не выходящих за пределы небольшой округи, а, может быть, и населенного пункта. Естественно, это ставит проблему данного феномена: представляют ли они собой случаи местных (и поздних) импровизаций, или это реликты архаичности, утраченные другими локальными вариантами свадьбы.

В представленной статье излагаются результаты анализа характеристик следующих чинов.

«Горные». В границах указанного региона эти чины (иногда как гости «горного стола») выявлены в свадебной обрядности современных Тамбовской и Пензенской областей – сторона невесты или жениха на свадебном пиру, устраиваемом противоположной стороной, соответственно жениховой или невестиной [1, с. 452; 4; 8, с. 44, 68; 25; 29]. Данное название, иногда с другой огласовкой – «гордые», «гарные», «горны» и подобные, как и «горный/гордый стол» – занимает довольно обширную территорию: в источниках фигурируют также Ярославская, Тверская, Владимирская, Рязанская, Симбирская, Нижегородская, Казанская, Самарская, Саратовская, Вятская и Оренбургская губернии, оно также зафиксировано у русского казачества Осетии [2, с. 36-37; 5; 16, с. 46, 49-50]. Кроме указанных, известны и некоторые другие локальные особенности содержания понятий (как свадебных) «горные» / «горный стол»: родня жениха на девичнике; родственники (иногда старшие) жениха и невесты, присутствующие на свадьбе; молодые на другой день после свадьбы, пришедшие в гости; гости у молодых на другой день после венчания [16, с. 46, 49-50].

Происхождение этого не совсем вписывающегося в лексику свадебного действия названия, его содержательный смысл давно стали предметом внимания исследователей, в частности Н. Астров в описании свадьбы Пензенского уезда начала XX в. счел необходимым отметить: «Относительно же слова “горные” никто из местных крестьян не может даже сказать, что оно значит» [1, с. 424].

У П. В. Шейна в его «Великорусе» мы читаем такое объяснение: «...от слова *гáрный* (здесь и далее выделения и пунктуация цитируемого текста автора статьи. – В. Б.): дорогой, или *горн*, так как в присутствии их бьют посуду. Св. Л. Даль же в св. слов. толкует то слово так: «*Горные гости*, – *гáрные*, гордные, гордые, поезжане на другой день свадьбы, за гордым столом. Щ» [27, с. 717]. «Щ» в этом тексте определенно не «Ш», то есть указание тома, а «Св. Л.» – скорее всего, опечатка, коль скоро речь идет о «св. слов.» – явно – «своем словаре», а это может быть только «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. В нем трактовка слова «горные» помещена в статье «Гора» тома I: «*Го́рные гости*, га́рные, гордны́е, гордые (ударение не указано. – В. Б.), поезжане на другой день свадьбы за горным столом» [6, с. 376]. У П. В. Шейна это почти в точности воспроизведенный текст словаря В. И. Даля. В труде П. С. Богословского пассаж П. В. Шейна цитируется неточно: «Попытку объяснения названия “горные” находим еще в материалах по Лукояновск. у.: или от слова “горный” – дорогой, или “горы”, т.к. в присутствии их бьют

посуду» [2, с. 37]. Вместо «гарный» приводится «горный», а вместо «горн» – «горы». И становится непонятно, какое отношение имеют горы к битью посуды, а дело в том, что слово «горн» имело также значение «горшок» [23, с. 442; 26, с. 206], и ритуал битья горшков весьма характерен для русской свадьбы [12, с. 489].

В своей недавней работе по русской свадьбе Татарстана своеобразную трактовку происхождения этого названия дал Н. В. Зорин. Отвергнув прежние объяснения – от выражения «пир горой» как находящийся на высоте, от «гарный» – хороший, а также «гордый», – особое внимание он обратил на вариант «горны» (с ударением на последнем слоге). Исходя из того, что горн представляет собой разновидность очага и некогда функционально играл роль печи, он сделал вывод о содержании слова «горные» в свадебной обрядности как людей одного горна – очага. По его мнению, таково же происхождение слов «горница» – комната с горном/печью, «горнушка» – вид гончарной посуды; указано им было также на сюжет свадебных плачей Поволжья, в котором невеста прощается с «горновой печью». Аналог такой трансформации он видит в использовании у славян и литовцев названий «огнище», «печище», «дым», кроме прямого смысла обозначающих и семейный социум [9, с. 164].

Гипотеза, на первый взгляд, выглядит вполне приемлемой, она, можно сказать, даже красива, но ряд факторов другого порядка препятствуют ее принятию.

Да, в русском языке слово «горн», наряду со значением технического использования: «печь для нагрева или переплавки металлов; печь для обжига керамических изделий и т.п.» [17, с. 449], сохранялось, по крайней мере до недавнего времени, и как «костер, очаг», «род чувала, камелька для приготовления пищи», «плита на дворе для варки пищи», в том числе специфическое: «камбуз, печь на карбасах» [16, с. 46], восходя к общему – «место, где горит огонь; очаг» [19, с. 174]. В источниках оно известно с 1096 г. (гърнь, грънь, горънь) в значениях «очаг», «печь», а также «котел», «горшок», «чаша» [18, с. 87; 26, с. 206].

Однако словари, начиная с древнерусского времени, не знают слова «горные» и подобные ему в качестве обозначения семейного социума (а такой социумом был бы очень важен и в источниках, несомненно, отразился), впрочем, как и «огнищные», «дымные» или «печные» [16; 18; 19; 22; 23; 26]. Возможно, для русского языка такое словообразование вообще не характерно, но это вопрос лингвистики. Как название свадебных чинов он также отсутствовал с периода Древней Руси (его нет, по крайней мере, в отсылочных выше словарных компендиумах), в этом качестве он фиксируется в источниках только с сер. XIX в. [2, с. 36-37; 5; 16, с. 46, 49-50]. Горные отсутствуют в «Домострое» [7], и это при весьма значительном количестве фигурирующих в нем свадебных чинов, а столь важная их категория вряд ли была бы сочтена не заслуживающей внимания. Возможно, конечно, предположение, что в силу узкого распространения они дотоле не попадали в тексты, но его нужно отвергнуть, поскольку в качестве свадебного чина это название имело распространение почти по всей европейской части России – от Ярославщины до Северного Кавказа и от Тверского края до Оренбуржья. При этом отметим, что в обширном описании народной свадьбы капитальнейшего труда по этнокультурной истории Русского Севера «горные» отсутствуют [13, с. 473-574].

Тогда надо обратить внимание на другой смысл слова «горный» вместе с его огласовками «горний» и «горной» – как «верхний, высокий», в том числе в сакральном смысле: «вышний, божественный, небесный» [16, с. 46, 48-50; 18, с. 87-88; 19, с. 174-175]. Это то объяснение («пир горой»), которое, наряду с прочими, было отвергнуто В. Н. Зориным. И совершенно напрасно.

В уже упомянутом «Домострое» примечателен фрагмент описания пира второго дня свадьбы, устраиваемого в доме жениха в основном для родителей невесты (именно таковые назывались «горными» в более позднее время): «...сядет на главное место теща, за нею новобрачная да свахи, затем и боярыни приезжие, и только за ними – здешние, а ниже всех сядет свекровь» [7, с. 215]. Слово «ниже» весьма показательно – столы, конечно, стояли на одном уровне, но горизонтальный срез пространства здесь осмысляется как вертикальный: сторона невесты – семантический верх, а жениха («здешние») – низ. Примечателен еще один пассаж описания свадьбы – уже начала XX в.: «Горные всегда усаживаются вперед, так сказать на горное место» [16, с. 49]. Здесь «перед» (место, близкое к иконам в переднем/красном углу) осмысляется как высокое – «горное».

Итак, горные на свадебном пиру – в переносном смысле сидящие наверху, высокостатусные. В унисон с этим пониманием видится такая ситуация о принятии в гости молодых на другой день после свадьбы: «Ждут горных. Горные очень спесивы» [Там же]. (Впрочем, молодые в этой ситуации могли занимать и «верхнее» положение в прямом смысле этого слова: «Молодых сажают за стол в вышку, и начинается завтрак» [10].) Становится тогда понятной трансформация слова «горные» в «гордые» как их отождествление: «Первый день – твоя родня в гордых, её угощают. На другой день – они в гордых» [8, с. 44], поскольку: «На первый день невестинной родне почет, на второй – жениховой» [Там же, с. 46].

Отпадает и такое доказательство, как: слова «горница» – обогреваемая горном и «горны» – объединяемые одним горном. Все просмотренные автором толковые словари дают смысл слова «горница» как происходящего от нахождения в верхней части постройки: «верхняя часть строения, жилое помещение в верхней части строения» [18, с. 88]; «комната в доме (первоначально в верхней части дома)» [19, с. 175]; «первоначально – комната, находящаяся наверху, позднее – вообще комната» [20, с. 302] и т.п., с этимологией: «от др.-русск. горынь “верхний” от гора» [23, с. 442]; при возведении к «гора» указывается, что «в др.-рус.» это слово имело также значение «верх» [26, с. 203]. Печь там действительно могла устраиваться: «...в передней горнице печь» (1678 г.) [18, с. 88], возможно, она могла быть типа лежанки [16, с. 46-47], но происхождение названия «горница» (и, соответственно, «горные») от ее печи-горна сомнительно. Горница всегда была дополнительным помещением, а основным являлся «покой» / «истобка» – главная часть жилого строения, где топилась духовая, или «русская» печь, со многими функциями – кроме обогрева, приготовления пищи, освещения: сушки одежды и продуктов, сна, паренья, вывода дыма от самовара и др. Именно она была

и бытовым, и сакральным центром жилища, поэтому трудно допустить, что название семейного социума произошло от слова, обозначавшего не эту, главную, а второстепенную печь (а она была в горнице не всегда), да еще помещения, которое было далеко не во всяком простонародном жилище.

Происхождение названия горшка в виде «горнушка» проблемы не составляет – как произведенный окончательно в горне/печи. Но почему невеста в плаче прощается с «горновой печью» – вопрос. Если эта печь «горновая», то, видимо, должна была быть и печь иного рода, как определение «русская» стало необходимым после появления печи-голландки. Но какого рода? Печи духовой? У автора статьи ответа на этот вопрос нет. Можно, конечно, предположить архаичность данного фольклорного пассажа – восхождение ко временам, когда горн в виде печи-каменки еще не сменился печью духовой, получившей потом название «русской», что, однако, требует доказательств.

Меньше сложностей с приводимым Н. В. Зориным для подтверждения его гипотезы названием свадебных чинов «горны» – оно вполне объяснимо не возведением к горну/очагу, а иной огласовкой слова «горные», ибо для русской речи, особенно простонародной, известен такой феномен, как «съедание» окончаний слов.

В свете приведенных фактов надо сделать вывод об этимологическом различии происхождения слов «горн» и «горные», хотя заманчиво было бы свести их к одному, как возвышению – «горе»: на местности и на полу жилища (для славянской печи-каменки). Но лингвистика этого делать не позволяет: для горна среди возможного происхождения даются: лат. – «печь», др.-инд. – «жара, жар» [23, с. 442]; для горы этимология не совсем ясна, но сопоставления («дерево», «лес», «камень» и др.) не выводят к горну [Там же, с. 438, 442]. Итак, свадебный термин «горные», как показывают изыскания, восходит все-таки не к слову «горн», а к слову «гора», как «возвышение».

«Полковник» и «полковница». Эти «парные» свадебные чины были известны, видимо, только на территории современной Тамбовской области, по крайней мере, поиски автора статьи у других групп русских таких чинов не обнаружили. Отсутствуют они и в перечне П. С. Богословского [2, с. 63]. По материалам полевых исследований Л. Ю. Евтихеевой они бытовали в сформировавшемся на рубеже XVIII-XIX вв. локальном варианте свадьбы однодворческих сел, расположенных по рекам Челновая, Польному и Лесному Воронежу и Липовице [8, с. 12].

Утверждение об их принадлежности к «ведущим персонажам» свадьбы [Там же] опирается на свидетельства носителей традиции: «Они на свадьбе главные» [11, с. 141], «Всю свадьбу держит полковник» [8, с. 44]. В их функции входили и конкретные действия: они приходили к жениху с подругами невесты для отправления обряда «плетень завивать»; не пускали жениха, приехавшего за невестой в её дом [11, с. 135, 141]; участвовали в продаже невесты в день венчания; во время свадебного пира сидели за столом в красном углу рядом с новобрачными [8, с. 43, 44]; собирали деньги, полученные молодыми в качестве даров, и считали их [11, с. 141]. О «полковнике» говорилось: «угощает, смеётся» [8, с. 44], то есть он играл роль балагура-весельчака. Приравнивание полковника к дружке и полковницы к свахе невесты [Там же, с. 73], возможно, и оправдано, но не в полной мере, во всяком случае, в свадьбе села Горелое наряду с полковником и полковницей фигурировал также дружка [Там же, с. 44].

Л. Ю. Евтихеева указывает, что эти чины избирались из крестных родителей либо из особо уважаемых членов крестьянского сообщества [Там же, с. 12], есть уточнение, что это крестные родители невесты [11, с. 141]. Но при этом непонятными становятся некоторые пассажи рассказов информаторов о ритуале выкупа невесты в день свадьбы, а это записи диалектологов их прямой речи. Один из них: «А покупает полковник с полковницей. Невесту еще до покупки благословляют» [8, с. 44]. Почему «покупателями» выступают ее крестные родители, если это должна делать сторона жениха – ведь для него она «приобретается»? Можно было бы предположить, что это ошибка записи или оговорка информатора. Но вот пассаж другого свидетельства о процедуре выкупа: «Я сажу дома за столом с крестной матерью и его полковник и полковница» [Там же]. И в данном случае оба этих свадебных чина – представители стороны жениха, в то время как полковницей должна быть присутствующая при этом крестная мать невесты. Слово «его» выглядит странно – оно может предполагать наличие и невестиних свадебных чинов такого рода. Возможная принадлежность полковника и полковницы в цитированных текстах к неродственным брачующимся «особо уважаемым» людям тоже ставит вопрос, почему им принадлежала функция «выкупа», не соответствующая статусу крестных родителей невесты.

Конечно, трудно доверять «этнографическому» содержанию лингвистических записей обряда, автор по своему опыту знает, что зачастую ненаправленная речь информатора – это «поток сознания», в хаосе которого разобраться крайне сложно. Приведем такого рода фрагмент из диалектологической записи, в котором фигурируют интересующие нас свадебные чины: «Свадьба в первый день у жениха. Посадили за стол. Приходят крестные – полковник с полковницей. С его стороны подружки (мужчины и женщины). Мои подружки продавали, продают – спрашивают: серебро и золото» [Там же, с. 43]. Сначала говорится о свадебном пире – в доме жениха. Потом – надо понимать – о выкупе, который был на более раннем этапе свадебного дня. Слово «приходят», видимо, относится и к «крестным», и к «подружкам» («мужчины и женщины»). Если вторые – «с его стороны», то полковник и полковница, можно предполагать, представляли сторону невесты. Но насколько оправданы эти «надо понимать», «видимо» и т.п.? В данной ситуации этнографу достаточно было бы простого уточнения, но у диалектологов свои задачи исследования. Во всяком случае, коллизия с характером отношений родства (или иных) чинов «полковник» и «полковница» с женихом и невестой требует привлечения уточняющих материалов.

«Тысяцкий». В общерусской свадьбе содержанию понятия «полковник(ца)» соответствует чин «тысяцкий». Известное с древнерусского времени как название военачальника народного ополчения и исчезнувшее к середине XV в. [21, с. 607], в свадебной обрядности оно сохранилось чуть ли не до нашего времени. Тысяцкий

известен, хотя и не очень широко, в регионе, которому посвящена упомянутая монография автора [3]. Здесь он был представителем стороны либо жениха, либо невесты, во втором случае у него ее выкупали (см. выше о вероятности полковника и полковницы представлять сторону жениха и, соответственно, обязанности выкупа ими невесты), ехал с женихом в одной колымаге в составе свадебного поезда, мог быть старшим за свадебным столом, смотрел за имуществом невесты [14; 15; 24; 28]. «Тысяцкий» – свадебный чин со стороны жениха в «Домострое», и надо отметить – наряду с дружкой и свахой, которые были и со стороны жениха и со стороны невесты [7, с. 207]. Согласно общепринятому толкованию, наличие воинского чина в составе участников свадебного действия отражает представление о военизированном характере поездки с целью похищения невесты (в условиях постоянной опасности Дикого поля это название когда-то было переименовано в полковника). Но для такого толкования есть одно противоречие. Чин тысяцкого логичен в составе «отряда» жениха, который отправляется за невестой, однако почему в некоторых вариантах свадьбы «тысяцкий» (как и «полковник») представляет сторону невесты? Это коллизия, которая требует решения.

«Простонародье» – пришедшие посмотреть свадьбу, известно, что они устраивали препятствия для «поезда» [8, с. 74]. В качестве определения зрителей свадьбы «простонародье» противопоставлялось так называемым «свадебным», то есть ее непосредственным участникам, что отражало представление о них как лицах более высокостатусных по сравнению с не участвующими в торжестве. Исследователями давно отмечено, что терминологически участники свадьбы определялись в социальных категориях верхов общества, и примечательно – преимущественно феодального времени Древней Руси и Московской государственности: «князь» и «княгиня», «тысяцкий», «бояре», «дворяне», «вершники» [2, с. 4].

Подведем итог вышеизложенного. Название чина «горные» лексически восходит к «гора», а семантически означает особо высокий статус участников свадебного действия: в большинстве случаев это сторона жениха или невесты в гостях у противоположной стороны. Связь их названия с горном/очагом весьма сомнительна. Чин «полковник(ца)» отражает представление о получении невесты путем ее похищения и, соответственно, военизированном характере поездки за ней. Он появился как аналог чина «тысяцкий» в уже более позднее время в условиях освоения Дикого поля, но не получил широкого распространения, оставаясь в рамках узколокальной специфики. Название «простонародье» интересно в связи с номинацией участников свадьбы в терминах верхов феодального общества и противопоставления оставшихся вне этого ритуала как рядовой массы населения.

В начале статьи говорилось о необходимости нового этапа комплексного изучения феномена чинов русской народной свадьбы. Автор выражает надежду, что его изыскания в этой области будут полезными в исследованиях такого рода.

Список источников

1. **Астров Н.** Крестьянская свадьба в с. Загоскине Пензенского уезда: бытовой очерк // Живая старина. 1905. Вып. III-IV. С. 415-458.
2. **Богословский П. С.** К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов (по данным этнографической литературы и рукописным материалам Русского географического общества) // Пермский этнографический сборник. Пермь, 1927. Вып. III. С. 1-64.
3. **Бузин В. С.** Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области): материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2015. 640 с.
4. **Быстров Н.** Историко-статистическое описание села Степановки Мокшанского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. 1885. № 12.
5. **Габизова С.** Свадебные песни и обряды казаков Северной Осетии [Электронный ресурс]. URL: http://www.darial-online.ru/2012_3/gabisova.shtml (дата обращения: 30.01.2017).
6. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. I. 700 с.
7. **Домострой** / подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб.: Наука, 1994. 400 с.
8. **Евтихиева Л. Ю.** Тамбовский курагод: сборник сценариев и материалов для фольклорных коллективов. Тамбов, 2003. Вып. 1. 160 с.
9. **Зорин Н. В.** Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. 248 с.
10. **Неч Н.** Свадебные обычаи в с. Хворостянке Усманского уезда // Тамбовские губернские ведомости. 1889. № 55.
11. **Пискунова С. В., Махрачева Т. В., Губарева В. В.** Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, 2001. 278 с.
12. **Русские** / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М.: Наука, 1997. 832 с.
13. **Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века** / ред. И. В. Власова. М.: Наука, 2004. 848 с.
14. **Село Подгорное (бытовой очерк). Гулянье** // Тамбовские губернские ведомости. 1882. № 130.
15. **Сладковский.** Ответы на вопросы Этнографического отделения Императорского Русского географического общества о народных обычаях, существующих в Усманском уезде (Тамбовской губернии) // Тамбовские губернские ведомости. 1868. № 33.
16. **Словарь русских народных говоров** / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1972. Вып. 7. 357 с.
17. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / ред. А. П. Евгеньева. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. Т. I. 964 с.
18. **Словарь русского языка XI-XVII вв.** / гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1977. Вып. 4. 404 с.
19. **Словарь русского языка XVIII века** / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1989. Вып. 5. 256 с.
20. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. 1340 с.
21. **Советская историческая энциклопедия:** в 16-ти т. / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т. 14. 1039 с.
22. **Срезневский И. И.** Словарь древнерусского языка: в 3-х т. Репринтное изд-е. М.: Книга, 1989. Т. 1. Ч. 1. 807 с.

23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. СПб.: Азбука, 1996. Т. I. 576 с.
24. Феоктистов П. Обряды крестьян при свадьбах в Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1860. № 6.
25. Феоктистов П. Обряды крестьян при свадьбах в Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1860. № 9.
26. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1993. Т. I. 623 с.
27. Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2. 827 с.
28. Этнографическое описание села Новочеркутина Усманского уезда // Тамбовские губернские ведомости. 1877. № 28.
29. Ягодин В. Историко-статистическое описание прихода села Ильмина Городищенского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. 1892. № 13.

“GORNYE”, “COLONEL (FEMALE COLONEL)”, “TYSIATSKII”, “SMALLFOLK” AS RANKS OF THE SOUTH RUSSIAN WEDDING RITUAL: THE NAMES ORIGIN AND FUNCTIONS

Buzin Vladimir Serafimovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint Petersburg University
vsbuzin@front.ru

The article analyzes the names and characteristics of certain ranks of the South Russian wedding ritual. According to the author, the name “gornye”, which is interpreted differently by researchers, is associated with the semantic acme and indicates the high status of these ranks. “Colonel (female colonel)” and “tysiatskii” are the ranks, the existence of which represents the conception of wedding as a militarized action presupposing the bride kidnapping. “Smallfolk” is a rank oppositional to the so called weeding ones, the composition of which was in many ways determined by the terms of the feudal elite.

Key words and phrases: ranks of Russian wedding; etymology; “gornye” rank; semantic acme; “colonel (female colonel)”; “tysiatskii”; “smallfolk”.

УДК 93/94; 397

Дата поступления рукописи: 17.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.4>

В статье характеризуются некоторые традиционные представления и верования южных вепсов – этнолокальной группы одного из прибалтийско-финских народов России. В исследовании использованы разнообразные источники: публикации, архивные материалы, а также полевые материалы автора. Работа показывает своеобразие рассматриваемого компонента духовной культуры южных вепсов. У этнолокальной группы сохраняется значительный пласт дохристианских воззрений, которые бесконфликтно уживаются с православными традициями. Исследование выявляет истоки формирования верований и представлений южных вепсов в связи с их этнокультурной историей.

Ключевые слова и фразы: южные вепсы; духовная культура; традиционные верования; мифология; межэтническое взаимодействие.

Егоров Сергей Борисович, к.и.н.

Санкт-Петербургский государственный университет
arskaht@mail.ru; s.egorov@spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ВЕРОВАНИЙ ЮЖНЫХ ВЕПСОВ

Южные вепсы – одна из этнолокальных групп вепсского этноса. Её ареал расселения в настоящее время – центральная часть Радогощинского сельского поселения Бокситогорского района Ленинградской области.

Этнокультурное своеобразие южных вепсов складывается из различных компонентов. В их ряду особое значение имеют религиозные представления и верования.

Первые сведения, содержащие информацию о традиционных представлениях и верованиях южных вепсов, появляются в публикациях конца XIX – начала XX в. В основном это отдельные фрагменты в статьях общего характера. Среди них наиболее информативны несколько работ А. И. Колмогорова [19-21], где изложены некоторые результаты комплексного исследования чухарского (вепсского) населения Тихвинского уезда Новгородской губернии, а также очерк В. И. Равдоникаса «Чухари» [33], опирающийся в основном на публикации рубежа XIX-XX вв.

К этому же периоду относится деятельность финляндских исследователей. В 1916 г. в южновепсских деревнях Пятино и Радогощ лингвистом Э. Сетяля и фольклористом А. Вайсяненом были собраны материалы, касающиеся различных аспектов духовной культуры. Деятельность учёных получила отражение в нескольких публикациях [48-50].

Плодотворную работу в поселениях южных вепсов в 1917-1918 гг. вёл Л. Кеттунен. Её результаты послужили основой для написания статей [40; 43-45] и формирования выпусков образцов южновепсского диалекта [41; 44]. Итогом экспедиции 1934 г. в вепские районы Л. Кеттунена совместно с Л. Пости и П. Сиро